МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЭММА РУДКЕВИЧ

Предательство мужа.

Ты продал моё имя, но хозяин гор заставил тебя ответить!

Марина Ветрова

Предательство мужа. Ты продал моё имя, но хозяин гор заставил тебя ответить!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Предательство мужа. Ты продал моё имя, но хозяин гор заставил тебя ответить! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж превратил моё имя в товар. На презентации книги он выставил напоказ мои медицинские данные, а затем отнял дом, клуб и попытался настроить против меня маленькую дочь.Я осталась без денег и защиты, зато с одной целью: вернуть Лизе спокойную жизнь и доказать, что меня нельзя купить.Помощь предлагает Кайрат Абдулаев — суровый хозяин горной базы, которого мой муж когда-то разорил.Но у Кайрата собственные счёты с Артуром и правила, подчиняться которым я не намерена.Впереди опасные восхождения, борьба за дочь, разоблачение предателей и любовь, которой ещё предстоит выдержать проверку доверием.Я больше ничья собственность. И я это всем докажу.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Марина Ветрова, Эмма Рудкевич Предательство мужа. Ты продал моё имя, но хозяин гор заставил тебя ответить!

Глава 1

Запах шампанского и дешевой мишуры ударил мне в лицо, когда я вышла к микрофону. Свет софитов был слепящим, как солнце на вершине Эльбруса, но здесь, в душном зале литературного клуба «Вершина», не было холода, который очищает легкие. Была только липкая жара чужих взглядов. Я поправила складки своего единственного приличного платья, в котором мы с Лизой встречали Новый год три года назад. Ткань была тонкой, почти прозрачной под лучами прожекторов, и от этого мне хотелось свернуться в комок. Но я выпрямила спину. Четырнадцать лет тренировок учили меня одному: даже если ноги дрожат, держи центр тяжести.

— Добрый вечер, друзья, — мой голос прозвучал тверже, чем я ожидала. — Сегодня я представляю вам не просто книгу о восхождении. Это история о том, как человек учится дышать там, где кислорода нет.

В первом ряду сидел Артур. Он выглядел безупречно: идеально скроенный костюм цвета мокрого асфальта, галстук-бабочка, который он сам завязывал перед зеркалом, пока я укладывала волосы Лизы. Его улыбка была широкой, почти хищной, но глаза оставались пустыми. Рядом с ним, будто тень, стояла Ольга Ланская. Пиар-директор бренда энергетиков «Volt» смотрела на меня так, как смотрят на дорогую лошадь перед аукционом: оценивая зубы и мускулатуру, игнорируя душу.

Я начала говорить о льде, о трещинах, о страхе падать. Вдруг ведущий перебил меня, его голос прорезал тишину зала, как пила по дереву.

— Марина! Прекрасная речь! А теперь минутку внимания для наших спонсоров. Бренд «Volt» гордится тем, что поддерживает таких сильных женщин, как Марина Ветрова!

На большом экране за моей спиной вспыхнул логотип «Volt»: молния, пробивающая гору. Под ней бегущей строкой шли мои данные: рост, вес, группа крови, история травм. Не просто биография. Медицинская карта. Я почувствовала, как внутри всё заледенело. Это были мои закрытые медицинские данные. Артур обещал хранить их в тайне — как и карты клиентов моего клуба.

Артур подошел ко мне сразу после речи, протягивая бокал с виски. Пахло спиртом и его новым парфюмом — тяжелым, мужским, чужим.

— Молодец, Марина. Коммерческий потенциал зашкаливает. Ольге очень понравилось.

Он достал из внутреннего кармана папку. Пальцы нервно теребили манжету рубашки. Я знала этот жест. Так он делал, когда врал о командировках или терял деньги на ставках.

— Подпиши техническое приложение к договору. Формальность для отчета перед фондом. Просто подтвердишь права на использование имени в рекламных кампаниях.

— Я не буду подписывать, не прочитав мелкий шрифт, Артур, — сказала я, чувствуя тошноту от близости его тела. — Мы договаривались...

— Доверие должно быть абсолютным, — перебил он холодно. И прежде чем я успела среагировать, выхватил ручку из моих пальцев и поставил свою подпись рядом с моим именем. Потом втиснул мне в ладонь клубную печать и, сдавив запястье, прижал её к листу. Я дернулась; край оттиска смазался.

— Вот и всё, — сказал он, убирая договор прежде, чем я успела вырвать страницу.

Кожа горела под его пальцами. Он даже не пытался получить мою подпись — ему хватало бумаги, с которой можно идти к покупателю.

Ольга прошла мимо нас. Я потянулась к ней — она видела, как Артур держал моё запястье, — но она уже повернулась к официанту, подставляя бокал под шампанское. Я рванула в туалет, чтобы умыться холодной водой, но дверь служебного коридора у кабинета охраны заблокировалась снаружи. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Через мутное стекло я видела, как Артур разговаривает по телефону, указывая пальцем прямо на меня. Моментально телефон в кармане вздрогнул. За ним второй. Десятый. Уведомления банковских приложений сыпались как град.

Я выбила стулом стекло у стойки охраны и через проём отжала замок. Порезала ладонь о край. Кровь капнула на кафель. На мониторе охранника, который панически пытался закрыть доступ, четко светилась надпись: «Транзакция подтверждена. Продажа прав на базу данных клиентов клуба „Ветрова“».

Я выскочила на улицу. Зима ударила в грудь, как кулак. Город был серым, заснеженным и равнодушным. Я схватила такси, протянула карту. Терминал пискнул красным.

— Карта заморожена, мадам.

— Что? Нет! Проверьте еще раз!

Таксист закрыл окно. Я побежала домой. Бежала так, как бежала раньше от лавин, инстинктивно, на грани потери сознания. Воздух резал горло.

У подъезда стояла машина скорой помощи и патрульный автомобиль. Дворник, старик Петрович, которого я знала пять лет, отвернулся, когда увидел меня.

— Пусти, Петрович! — крикнула я.

— Не могу, Марина Андреевна. Новые хозяева запретили. Сказали, тут чужая женщина.

«Чужая». Слово повисло в морозном воздухе. Я обошла Петровича и поднялась на второй этаж. У металлической двери нашей квартиры заменили замок на электронный. Старый ключ больше не подходил. Из-за двери доносился плач. Тихий, сдавленный всхлип Лизы. Она была одна. Няня ушла час назад, не зная, что её сменят.

Я сбежала вниз, схватила камень с клумбы и вернулась к двери. Ударила в стеклянную вставку. Один раз. Второй. Стекло звенело, но не поддавалось. Тогда вышли охранники, нанятые Артуром «для защиты имущества». Они не стали церемониться. Грубые руки схватили меня за плечи. Я вырывалась, царапалась, кусалась.

— Отпустите! Там моя дочь!

— Нарушение общественного порядка, гражданка.

Меня выволокли на лестничную клетку. Один из них ударил дубинкой по рукам, чтобы я не могла защищаться. Боль была острой, белой вспышкой в голове. Крик Лизы затих, заглушенный звуком захлопывающейся двери лифта. Меня впихнули туда. Двери сомкнулись. Я осталась одна в холодном металле, слушая, как стучит мое сердце.

В отделении полиции было сухо и пахло дезинфекцией. Я сидела на стуле, потирая синяки на предплечьях. Артур появился через час. Идеальный. Безупречный. С адвокатом в дорогом костюме.

Он не кричал. Не ругался. Он спокойно показал следователю планшет.

— Вот переписка, — голос Артура был бархатным, успокаивающим. — Жена угрожает мне расправой, требует денег, которых у меня нет. Она истеричка, Виктор Сергеевич. Опасна для ребенка.

Следователь, полный мужчина с усталыми глазами, посмотрел на меня. В его взгляде не было сострадания. Только презрение к «женской истерии».

— Вы понимаете, что можете получить срок за клевету? Или за хулиганство?

— Я хочу забрать вещи, — сказал Артур. — И телефон. Для вашей же безопасности.

Его адвокат высыпал содержимое моей сумки на пол. Ключи, помада, записная книжка. Артур аккуратно сложил это в пакет. Телефон он сунул в карман.

— Ключи остаются у меня. Остальное отдайте ей на выходе, — бросил он помощнику. — Пусть звонит кому хочет.

Я потянулась к телефону, но помощник поднял пакет выше моего плеча. Когда я попыталась схватить его за рукав, охранник снова перехватил мои руки.

— Отпустили бы, если бы не жалость к дочери, — прошипел Артур мне на ухо, пока его помощник выводил меня в заднюю дверь, минуя главный вход. — Ты теперь никто, Марина. Никто.

У задней двери помощник швырнул мне пакет с вещами. Телефон был внутри, ключей не было. Следом вывели Лизу — в розовом пуховике, с мокрой перчаткой в кулаке. Она бросилась ко мне, а я присела, обхватив её так крепко, что заболели избитые руки.

— Папа сказал, ты за мной не придёшь, — прошептала она.

Я подняла глаза на помощника. Он уже закрывал дверь. Артуру нужна была угроза отнять дочь, а кормить и лечить её сегодня он опять предоставил мне.

Меня вытолкнули в ночь. Мороз кусал открытые участки кожи. Мы шли пешком. Два километра до окраины. Последние наличные, найденные в потайном кармане куртки, я берегла на ночлег. Мотель «Уют» был похож на бетонную коробку, вымазанную в грязи. На сутки денег хватило. Ещё вчера я могла бы оплатить неделю, не заглянув в кошелёк; теперь пересчитала купюры дважды.

Я позвонила из автомата на площади. Гудки. Долгие, мучительные гудки. Потом щелчок.

— Алло? — голос Игоря Викторовича, моего бывшего тренера, человека, который учил меня ходить по канату над пропастью.

— Игорь, это Марина. Мне нужна помощь. Артур...

— Марина, — перебил он сухо. — Я получил материалы от Артура. Он сказал, что ты больна. Что ты опасна для детей. Я не могу тебя видеть. Не звони больше.

Линия оборвалась. Тишина давила сильнее, чем шум города. Артур не просто забрал деньги. Он заранее обзвонил тех, кому я могла позвонить. Он превратил меня в прокаженную, от которой отворачиваются те, кто должен был быть опорой. Я осела на холодный пол кабины, чувствуя, как слезы замерзают на щеках.

От стука в дверь мотеля я села на кровати и сразу посмотрела на Лизу: только бы не разбудили. Я не открывала. Стук повторился, настойчивый, ритмичный.

Я повернула замок. На пороге стоял высокий мужчина в черном пальто. Лицо скрыто шарфом, но глаза... Глаза были цвета стали. Холодные, внимательные, живые. Кайрат Абдулаев. Владелец базы, о которой ходили легенды в альпинистских кругах. Человек, который решал проблемы радикально.

В его руке была моя спортивная бутылка с водой. Я выронила её в лифте, когда меня толкнули; как она оказалась у него?

— Петрович подобрал. Позвонил мне после того, как вас забрали, — сказал Кайрат, заметив мой взгляд. — Администратор «Уюта» подтвердил, что вы здесь.

Он молча протянул её мне. Я взяла её, чувствуя, как пластик холодит пальцы.

— У тебя есть два часа, прежде чем они найдут тебя здесь, — его голос был низким, вибрирующим в грудной клетке. Он даже не понизил голос, хотя я держала дверь приоткрытой, чтобы не разбудить дочь. — Или ты идешь со мной, или остаешься ждать палача.

Я посмотрела на его машину, стоящую под фонарем. Черная, массивная, с тонированными стеклами. Из приоткрытого окна тянуло запахом пороха и дорогой кожи. Спасение пахло изоляцией. И опасностью.

Кайрат не предлагал помощь. Он предлагал сделку. И я видела в его глазах, что цена будет высокой. Но стоять здесь, в этом вонючем номере, ожидая, пока мир окончательно раздавит меня, было хуже любой цены.

— Дочь со мной, — сказала я. — Спит. Я не потащу её сейчас в машину к человеку, который даже условий не назвал.

Глава 2

Кайрат посмотрел мне за плечо, на скомканное одеяло на кровати.

— База «Высота». Мой дом, мои условия. Передумаешь — знаешь, куда идти.

Он не стал уговаривать. Я шагнула наружу, в снег, проводила взглядом его машину. Затем вернулась к Лизе. До утра у нас была эта оплаченная комната. Утром придётся выбрать.

Утром я вывела Лизу из «Уюта». Кайрат оставил мне адрес, но я ещё пыталась найти комнату и работу — хоть что-нибудь, за что не пришлось бы расплачиваться полной зависимостью от него. Мороз кусал за уши, но я не чувствовала холода. Я чувствовала только гул в голове и ритмичный стук собственного сердца, отбивающий такт: «выживи». В кармане куртки звенела мелочь; рядом лежала мокрая перчатка Лизы. Она молчала, идя рядом со мной, и эта тишина давила сильнее любого крика.

Мы остановились у столба с облезшими объявлениями о сдаче комнат. Руки дрожали — то ли от температуры, то ли от унижения. Я сорвала бумажку, где крупными буквами значилось: «Уютно, чисто, для женщин». Набрала номер. Гудок. Гудок. Щелчок.

— Алло? — голос был хриплым, будто его хозяйка курила с утра до ночи.

— Здравствуйте, я по объявлению. Марина Ветрова. Ищу комнату, я с дочерью. Мы тихие, мне только переждать несколько дней и найти работу.

Пауза затянулась. Я слышала, как в трубке кто-то шепчется. Потом женщина спросила сухо:

— А документы есть? Паспорт покажете?

— Да, конечно. Прописка... местная, правда, недавно сменила адрес.

Снова шепот. Затем голос стал жестче, металлическим:

— Извините, деточка. Не сдам. У меня ремонт свежий, а такие, как вы, потом стены краской пачкают. Или мужья приходят, окна выбивают. До свидания.

Отбой.

Я посмотрела на телефон. Экран гас. Сердце упало куда-то в желудок. Это не случайность. Хозяйка звонила кому-то. Артур успел позвонить всем. Он превратил мое имя в клеймо, которое пахнет бедностью и скандалом.

Лиза тихо всхлипнула. Её дыхание стало свистящим, прерывистым. Редкий генетический недуг мышц проявлялся именно так: спазмы, нехватка воздуха, паника.

— Мам, тяжело... — прошептала она, цепляясь за мой рукав.

Ингалятор. Нужен ингалятор. Ближайшая аптека была через два квартала. Я схватила дочь на руки — она весила почти как взрослая девушка, но адреналин делал её невесомой — и побежала. Снег летел из-под кроссовок, легкие горели огнем.

В аптеке было тепло, пахло спиртом и лавандой. Фармацевт, молодая девушка с длинными ресницами, взглянула на нас с жалостью, которая резала больнее ножа.

— Ингалятор нужен? Срочно?

— Да. Сальбутамол. И запасной баллон.

Она протянула коробку с баллоном и устройством к нему. Цена ударом кулака вспыхнула на табло: две тысячи триста рублей.

Я полезла в кошелек. Карточка Артура была заблокирована — он сделал это после презентации. Наличных оставалось ровно семьсот рублей. Четыреста из них уходили на еду сегодня вечером. Остальное — на лекарства завтра.

— Девушка, мне не хватает, — мой голос звучал чужим, тонким. — Можно оставить залог? Вот паспорт. Я вернусь через час, найду деньги, принесу всю сумму.

Фармацевт отшатнулась, будто я предложила ей зараженную вещь.

— Так нельзя. Это кража. Вы что, наркоманка?

Её глаза скользнули по моему лицу, оценивая потертую куртку, синяки под глазами (теперь я понимала, что они были не от бессонницы, а от страха), дрожащие руки.

— Нет, я просто... мать.

— Зовите полицию! — крикнула она в сторону служебного помещения.

— Без устройства. У нас старое осталось. Только баллон, самый дешёвый, — выговорила я, выкладывая купюры.

Я заплатила, схватила покупку и вылетела на улицу, чувствуя на спине липкий взгляд презрения. Лиза дышала рывками, её губы посинели. У двери я помогла ей воспользоваться ингалятором, считая вдохи вместе с ней.

— Не спеши, родная. Со мной.

Свист в её дыхании становился тише. Я держала Лизу за плечи, пока она делала последние вдохи, и боялась поднять глаза на аптечную дверь. Там меня уже назвали наркоманкой. Здесь я считала вдохи, чтобы дочь могла идти. Когда она отпустила мой рукав, я убрала ингалятор и повела её дальше.

Нужны деньги. Быстро. Любой ценой.

Рядом с мотелем, где мы ночевали прошлой ночью, шумела стройка. Железный каркас будущего бизнес-центра торчал из земли, как ребра мертвеца. Рабочие носили блоки, мешки с цементом. Я увидела их и почувствовала странный, животный голод силы. Я могу носить тяжести. Я чемпионка по альпинизму. Мои мышцы знают, как работать.

Я подошла к прорабу, плотному мужчине в оранжевом жилете.

— Мне нужна работа. Разнорабочей. Могу таскать блоки, месить раствор. Оплата хоть какая, хоть наличкой сразу.

Прораб прищурился, осмотрел меня с ног до головы. Его взгляд задержался на моем лице дольше, чем нужно. Он достал телефон, свернул фото, которое кто-то ему прислал.

— Ветрова Марина? Тренерша? Автор книги «Вершины»?

— Да, это я.

Он усмехнулся, показав желтые зубы.

— Ты чего, баба, дурку гонишь? Мне тут армянин звонил, твой экс. Говорит, ты сумасшедшая, детей бросила, наркотиками балуешься. Иди лечись, пока целая. У нас тут порядок, а не цирк шапито.

— Я не бросала детей! Она здесь! — я крикнула, указывая на Лизу, которая сидела на камне, закутавшись в шарф.

— А вот это уже похоже на правду, — прораб махнул рукой, отвернувшись. — Прочь отсюда. Если будешь орать, охрана вынесет.

Я стояла, глядя на его спину. Блоки носили мимо меня; для этой работы нужны были руки, и мои годились. Но прораб уже отвернулся. Надо было назваться чужим именем. И не признаваться, что я тренер, чемпионка, автор книги, — ничего из того, чем вчера ещё гордилась.

Ночь наступила быстро. Мороз усилился, воздух стал колючим, режущим ноздри. Мы нашли дешевый мотель «У Олега» на окраине. Здание было серым, бетонным, с протекающими трубами и запахом плесени.

Администратор, толстый мужчина с одутловатым лицом, смотрел на нас поверх монитора.

— Номер на сутки? Предоплата. Три тысячи. Карта не проходит? Ну, значит, наличка. Где наличка?

— У меня нет трех тысяч, — сказала я тихо. — Есть двести. Можем остаться в коридоре? Или на кухне? Я буду платить, как только найду работу.

Олег фыркнул, сплюнув семечки в ведро.

— Коридор занят. Кухня закрыта. Но... если ты готова работать, я впущу. За угол.

— Что делать?

— Мыть полы. В общей зоне. Утром, до семи. Без оплаты. Только крыша над головой и возможность поспать в комнате с окном на чердак. Там сквозняк, зато не замерзнете. Согласна?

Бывшая чемпионка мира по альпинизму, автор книги, тренер сборной... стала уборщицей в обмен на угол. Я кивнула. Выбор был между холодом и унижением. Холод убивает быстрее.

Комната на чердаке пахла пылью и старой краской. Лиза уснула почти мгновенно, свернувшись клубком под двумя одеялами. Я легла рядом, не раздеваясь, слушая, как скрипят доски под весом ветра. Сон не шел. Тело ныло от напряжения, ожидая удара.

Утром от хлорки защипало в носу. Воду в ведро пришлось набрать холодную: горячую Олег велел экономить. Я терла пол в общем холле мотеля, колени горели от трения о кафель. Вокруг ходили постояльцы: мужчины с перегаром, женщины с опухшими лицами. Никто не смотрел на меня. Я была мебелью. Стеной.

— Красивая техника, — раздался голос справа.

Я подняла голову. Возле меня стоял мужчина лет пятидесяти. Темный костюм, который сидел на нем мешковато, дорогого бренда часы на запястье. Он видел меня вчера в аптеке. Я помнила этот взгляд.

— Помощь нужна? — спросил он, наклоняясь ближе. От него пахло табаком и сладкими духами. — Ты выглядишь уставшей. Одна с ребенком? Тяжело, наверное.

Его рука потянулась к моему плечу, чтобы «поддержать», но пальцы коснулись кожи слишком долго. Липко.

— Я справлюсь, — ответила я, отстраняясь.

— Справиться... — он усмехнулся, оглядывая мои грязные штаны, мои мокрые от воды руки. — Знаешь, я могу дать денег. Прямо сейчас. Просто за понимание.

«Понимание». Слово, от которого мурашки бежали по спине. Он знал, что я загнана. Он видел, что рядом нет никого, кто за меня вступится. Для него я была добычей, которую можно взять, потому что она не может уйти.

Страх за Лизу, которая спала в номере, смешался с яростью. Ярость была сильнее.

Когда он снова попытался схватить меня за руку, я действовала на автомате. Старые рефлексы, выработанные годами тренировок на скалах и в зале. Резкий перехват запястья, поворот корпуса, давление на болевую точку у локтя.

Мужчина взвыл, согнувшись. Я не отпускала, глядя ему прямо в глаза. В моих не было мольбы. Там был холод камня.

— Еще один шаг в мою сторону, — процедила я, понижая голос до шепота, — и я сломаю тебе руку. Понял?

Он побледнел, вырвался, отскочил назад, потирая плечо.

— Ты... агрессивная сука! — прошипел он, оправляя костюм. — Я расскажу всем. Скажу, что ты напала на меня. Тебя выгонят. Тебя посадят.

— Попробуй, — ответила я.

Но внутри все дрожало. Здесь я не в безопасности. Этот мотель — не дом, а ловушка. Если он правда пожалуется Олегу или вызовет полицию, у меня не будет шанса объяснить. Меня сочтут виноватой. Как всегда.

Я бросила тряпку в ведро.

— Мы уходим. Сейчас.

Лиза сонно моргнула, когда я вытащила её из постели.

— Мам, куда?

— Подальше отсюда, родная.

Глава 3

Мы вышли на заснеженную улицу. Телефон разрядился. Олег дал мне на десять минут зарядку, пока Лиза одевалась; теперь оставшихся процентов хватало только на звонок. Карта без сети не открывалась. Адрес базы Кайрата помнила, но не знала, сколько ещё до поворота. Город заканчивался, начиналась промышленная зона, затем предгорья.

Лиза шла медленно, её ноги подгибались. Я несла её на руках последние километры. Мы бродили по пустынным улицам окраины, где фонари горели через один, а ветер выл в пустых гаражах.

И тогда я увидела ворота.

Высокие, из кованого металла, увенчанные острыми штырями. Забор уходил вдаль, теряясь в тумане предгорий. На табличке белыми буквами на черном фоне значилось: «Центр подготовки „Высота“. Частная территория».

Изнутри доносился лай крупных собак — короткий, предупреждающий. И низкий гул генератора.

Я подошла ближе. В маленьком оконце охраны виднелась витрина с альпинистским снаряжением: новые кошки, карабины, веревки ярких цветов. Это была крепость.

Артур искал меня? Может быть. Но здесь, за этими стенами, закон был другим. Я видела камеры наблюдения, которые следили за каждым шагом.

Хозяин этой базы уже предлагал мне сделку. Но я знала одно: мне некуда идти. И у меня нет права на слабость. Ради Лизы я должна рискнуть всем.

Я постучала в тяжелое железо ворот. Кулаком. Громко. Требовательно.

Тишина. Потом лай стих. Послышался скрип механики.

Ворота медленно распахнулись, выпуская клуб теплого пара, который окутал меня, словно живое существо. Запах озона, машинного масла и чего-то дикого, хищного.

И тогда я услышала голос. Из динамика над воротами. Властный, спокойный, безжалостный. За приоткрытыми воротами ещё стоял опущенный шлагбаум. Дальше не пускали.

— Зачем ты пришла сюда, Ветрова?

Голос принадлежал человеку, который ждал меня. Который знал, кто я такая. Который знал, что я разрушена.

— Ты знаешь, кто здесь хозяин?

Шлагбаум не поднялся.

Я стояла по колено в снегу, и ледяная крошка уже пропитала мои тонкие кроссовки, превращая ступни в куски мрамора. Передо мной — серая бетонная стена базы «Высота», увенчанная колючей проволокой, которая под лучами фар выглядела как ожерелье из стали. За шлагбаумом сидел охранник. Молодой, с наглыми глазами и наушниками, торчащими из ушей. Он даже не вышел из будки. Просто ткнул пальцем в планшет, развернутый экраном ко мне.

— У нас тут частная территория, женщина, — его голос донесся через динамик искаженным скрежетом. — И по базе циркуляр: Ветрова Марина и её дочь Лиза. Не пускать. Это приказ сверху. Артур Гусейнов лично просил.

Артур. Имя выжгло горло сильнее мороза. Этот гад даже здесь успел пустить слухи. На планшете я увидела свою фотографию, сделанную на презентации книги, где я улыбалась в камеру, а подпись гласила: «Жена-предательница. Бросила семью ради славы». Ложь. Злая, дешевая ложь, но она работала лучше любого замка.

— Послушайте, — я попыталась говорить ровно, хотя зубы выбивали дробь. — Мне нужно видеть управляющего. Это экстренная ситуация. Моя дочь...

— Никаких визитов без предварительной записи и проверки службой безопасности, — отрезал охранник, отвернувшись. — Пропускной режим нарушать не имею права. Езжайте домой, мамаша. Там тепло.

Домой? Дом был занят чужими людьми, которые считали меня мусором. Я обернулась к Лизе. Она сидела на моей сумке у ворот, свернувшись клубком в своем розовом пуховике. Я оставила её там всего на минуту, пока говорила с охранником. Она спала. Или притворялась спящей. Лицо дочери было синеватым, губы посинели так сильно, что казались черными нитками.

Страх ударил в виски белой молнией. Холод уже пробрался под её расстёгнутый пуховик. Я рванулась к ней, пытаясь подхватить Лизу на руки, чтобы согреть, но тело отказало слушаться. Ноги подкосились. Снег брызнул в лицо. Я упала на колени, таща за собой тяжелую, обмякшую девчонку. Пальцы соскользнули с куртки. Я ползла по грязи и льду, кусая внутреннюю сторону щеки до крови, чтобы не закричать. Я всё ещё боялась дать им повод назвать меня истеричкой. Даже сейчас, когда Лиза обмякла у меня на руках. Как будто тихая просьба могла сделать нас удобнее и нам наконец открыли бы дверь.

— Помогите! — хрип вырвался из груди, как ржавый гвоздь. — Пожалуйста!

Тишина. Только ветер завывал в ущелье, да скрип снега под моими коленями. Охранник в будке сделал вид, что не слышит.

И тогда свет фар погас.

Не все сразу, но одна машина на въезде остановилась. Из темноты шагнула фигура. Высокая, широкая в плечах, закутанная в черный бушлат. Она двигалась бесшумно, несмотря на снег. Кайрат Абдулаев. Владелец этой крепости. Человек, о котором ходили легенды среди альпинистов: говорят, он может убить человека одним взглядом или сломать волю быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Он подошел вплотную. Не помог мне встать. Не протянул руку. Просто смотрел вниз, оценивая картину: женщина в грязном пальто, тащущая замерзающего ребенка, и охранник, который теперь нервно ерзал в своей будке, понимая, что нарушил протокол.

— Что происходит? — спросил Кайрат. Он смотрел на охранника, а я узнала голос из динамика. Тогда он уже был на подъезде и видел нас через камеру. Теперь мог рассмотреть без экрана.

— Ваша охрана... — начала я, но голос сорвался. Я посмотрела на Лизу. Веки дрогнули, но она не открыла глаза. Тело стало тяжелым, как мешок с камнями.

Кайрат перевел взгляд на дочь. Секунда. Две. Он не моргал. Его глаза, цвета старого графита, скользнули по лицу девочки, затем по моему. Он видел всё: трещины на ногтях, следы слез, смешанных с грязью, синяки на запястьях, оставленные охранниками Артура.

— Медблок, — коротко бросил он охраннику, который уже выскочил из будки, побелев как полотно. — Немедленно. Ингалятор, согревающий компресс, осмотр врача. Живой врач, а не твой сонный стажер.

Охранник схватил Лизу на руки, осторожно, почти благоговейно, и побежал внутрь комплекса. Кайрат остался стоять надо мной. Я чувствовала запах его парфюма: табак, кожа и холодный воздух гор. Это был запах власти. Опасной, хищной власти.

— Поднимитесь, — сказал он. Не предложение. Приказ.

Я попыталась встать, но ноги окончательно предательски ослабли. Кайрат не стал ждать. Он схватил меня за предплечье. Его хватка была железной, но не причиняла боли. Он просто перетащил меня через порог будки охраны, будто я весила не больше килограмма. Внутри было душно, пахло электроникой и несвежим кофе.

— Вы знаете, кто я, — произнесла я, когда мы оказались в маленьком кабинете, куда он меня привел. Окна были затянуты жалюзи. На столе лежала только лампа и пачка сигарет. Ни компьютера, ни бумаг. Аскетизм.

— Марина Ветрова. Бывшая чемпионка. Нынешняя жертва собственного мужа, — Кайрат закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Он обошел стол и сел в кресло, закинув ногу на ногу. — Артур звонил мне три часа назад. Он предложил круглую сумму, чтобы вас здесь не пустили. Даже если бы вы пришли с деньгами. Особенно если бы пришли с деньгами.

Меня передернуло. Я уже сидела в тепле, а зубы опять застучали: он знал, что я приду. И оставил меня у ворот.

— Зачем вы это делаете? — спросила я, стараясь говорить тихо, чтобы голос не дрожал. — Почему вы вообще обратили внимание на то, что происходит за воротами?

Кайрат усмехнулся. Коротко, сухо.

— Потому что ваши методы тренировки опасны, — ответил он, глядя мне прямо в глаза. — Мой племянник рассказывал о вашей школе. Говорил, что вы ломаете людей, чтобы собрать заново. Говорил, что вы фанатичны. И что ваша дочь... больна из-за стресса, который вы создали вокруг неё.

Пощечина. Слово «фанатичны» резануло глубже, чем любой нож. Это была правда Артура, которую он вбил всем в головы. И Кайрат повторил её, как мантру, проверяя мою реакцию.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться.

— Это ложь, — сказала я. — И вы это знаете. Если бы я хотела навредить Лизе, я бы не ползла к вам по снегу, чтобы спасти её жизнь. Я пришла сюда, потому что у меня нет другого выбора. Мне нужна работа. Место. Крыша над головой. Я буду делать что угодно. Любые условия. Только дайте ей шанс выжить.

Кайрат молчал. Долго. Он изучал меня. Видимо, искал в моих глазах ту самую истеричку, которую ему описал Артур. Искал слабость. Но я не дам ему её найти. Я держалась за край стола, пока костяшки пальцев не побелели.

Наконец, он встал. Подошел к окну и отдернул одну пластину жалюзи. Снаружи было темно, только силуэты горных вершин маячили против звездного неба.

— Условия простые, — произнес он спиной ко мне. — Вы работаете инструктором по выживанию для VIP-клиентов группы «Альфа». Без зарплаты авансом. Первые два месяца — только проживание, питание и медицинское обеспечение для вашей дочери. Если вы справитесь и клиенты будут довольны — получите процент. Если провалите — вылетите отсюда вместе с ребенком. И поверьте, в этом районе зимой вы не выживете и суток.

— Согласна, — ответила я мгновенно. Даже не спросила, какой процент. Только прислушалась к коридору: не идёт ли врач, не зовут ли меня к Лизе.

Кайрат обернулся. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на удивление, но быстро погасло, заменившись прежним холодом.

— Есть одно правило, которое нельзя нарушать. Никакого общения с внешним миром во время смены. Никаких телефонов, никаких социальных сетей, никаких встреч с бывшими мужьями или пиарщиками. Вы входите в мой дом, вы становитесь частью системы. Система требует тишины.

Он протянул руку.

— Телефон.

Я замерла. В телефоне были переписка с юристом, фото документов, которые я собрала против Артура, номер счета для оплаты лекарств Лизы. Потерять связь с этим миром означало стать полностью зависимой от него. От этого человека, который мог раздавить меня одним движением пальца.

Но альтернативы не было. Лиза в медблоке дышала тяжело, со свистом.

Я достала телефон. Руки дрожали. Я положила его на стол. Экран погас.

Кайрат взял трубку, положил в ящик стола и запер его ключом, который повесил себе на шею.

Глава 4

— Комната будет внизу, в блоке для персонала. Холодная, но чистая. Там есть душ и кровать. Ужин принесут через час. Не выходите из корпуса после отбоя. Штраф за нарушение — лишение привилегий.

Он указал пальцем на дверь.

— Идите. Врач скажет, сколько времени потребуется на стабилизацию состояния вашей дочери.

Я вышла. Коридор был длинным, с гулким эхом шагов. Стены облицованы деревом, пахло лаком и антисептиком. Меня привел другой охранник, молчаливый и незаметный, как тень. Мы спустились по лестнице в подвал.

Комната оказалась маленькой. Пять квадратных метров. Одна койка, тумбочка, окно с видом на отвесную скалу, покрытую снегом. Воздух здесь был затхлым, пахло пылью и старым потом предыдущих жильцов. На стене висело расписание тренировок, написанное маркером: «Выносливость», «Боль», «Преодоление».

Я села на кровать. Матрас скрипнул. Тело ныло от холода и напряжения. Я была внутри клетки. Ключ от неё держал человек, который ненавидел моего бывшего мужа. Или использовал меня против него? Он принёс Лизу в тепло и запер мой телефон. Оба поступка были его выбором. Я никак не могла понять, какой из них говорит о нём больше.

Вдруг я почувствовала холодный металл в кармане куртки. Я сунула туда руку и нашла маленький складной нож. Он забился под подкладку; Артур не заметил его, когда забирал мои вещи. Старый, потертый, с тупым лезвием. Но он был мой. Единственное оружие, которое у меня осталось. Сжала рукоять, проверила ногтем выемку на лезвии и спрятала нож под подкладку. Телефон я отдала. Эту вещь не отдам, даже если он протянет ладонь снова.

Раздался стук в дверь. Три коротких удара.

Я вздрогнула, но не стала вставать. Дверь открылась. Вошел Кайрат. В руках он нес поднос. На нем стояла тарелка с горячим супом, кусок хлеба и стакан чая. Пар поднимался вверх, растворяясь в холодном воздухе комнаты.

Он поставил поднос на тумбочку, не говоря ни слова. Затем посмотрел на меня. В его глазах не было жестокости, которую я ожидала увидеть. Была лишь странная, глухая ярость.

— Суп куриный. Для восстановления сил, — сказал он ровным тоном. — Лиза спит. Температура нормализуется к утру.

Я кивнула, чувствуя, как ком в горле мешает дышать.

— Почему? — спросила я тихо. — Почему вы приняли меня? Зная, что Артур заплатил вам за отказ?

Кайрат замер у двери. Он не обернулся сразу. Потом медленно повернул голову.

— Артур предлагал деньги, чтобы тебя не пустили. Я взял эти деньги и положил их в сейф.

Он усмехнулся, и эта улыбка была страшнее любого крика.

— Я не люблю, когда мне говорят, кого пускать в мой дом, а кого нет. Особенно такие, как Гусейнов. Он думает, что купил безопасность. Он купил только врага.

Кайрат вышел, оставив дверь незапертой. Легкую щель, через которую тянуло сквозняком.

Я осталась одна. Суп остывал. Я взяла ложку, но рука дрожала. Внезапно, из коридора, донесся звук. Тихий смех. Женский, мелодичный, знакомый до мурашек. Смех Ольги Ланской. Женщины, которая на презентации книги шептала Артуру на ухо, что моя история «слишком драматична для рекламы энергетиков».

Сердце пропустило удар. Я бросила ложку. Подбежала к двери, выглянула в коридор. Пусто. Только тусклый свет ламп и длинная тень от пожарной лестницы.

Но запах духов. Терпкий, сладкий аромат, который Ольга любила носить всегда.

Она могла быть здесь. Утром я спрошу дежурного, кого впустили ночью.

Я закрыла дверь. Прижалась спиной к холодной древесине. Неужели я ошиблась дверью? Кайрат только что ушёл отсюда. Ольга могла встретить его в коридоре — и спросить, как устроилась Марина.

Дежурный показал мне журнал: Ольга приезжала говорить с Русланом и уже уехала. Кайрат не велел пропускать её к нам. Этого объяснения хватило, чтобы оставить Лизу с врачом — и выйти на испытание.

Ветер в предгорьях Кавказа воет. Это низкий, вибрирующий звук, от которого зубные пломбы ноют, а внутренности сжимаются в холодный ком. Я стояла у подножия тропы базы «Высота», чувствуя, как лямки рюкзака впиваются в плечи. Основной вес давали обычные речные камни, которые Кайрат Абдулаев приказал мне собрать за десять минут до старта.

— Городская дамочка, — голос Кайрата был ровным, лишенным эмоций, как скала под его ботинками. Он даже не посмотрел на меня, проверяя снаряжение своих бойцов. — Ты сорвешь график тренировок элитных групп. Уходи. Или несешь этот хлам на вершину. Выбор твой.

Я молча затянула пояс потуже. Кожа горела там, где ткань натирала шею. Артур всегда говорил, что я слишком мягкая для бизнеса, слишком «домашняя». Сейчас он бы презрительно усмехнулся, глядя, как я, бывшая чемпионка, ползу по грязи с камнями за спиной. Но Лиза ждала внизу, в медблоке. Кайрат мог выставить нас обратно в холодный мотель, где отопление было роскошью. Ради её тепла я готова была тащить любой груз.

Первый шаг дался тяжело. Склон был покрыт коркой льда и мокрым снегом, скользким, как масло. Мои старые альпинистские навыки кричали: «Баланс! Центр тяжести!». Но тело помнило другое — многолетнее сидение в офисе, стресс, недосып. Легкие горели уже через сто метров.

На узкой тропе, где можно было пройти только боком, прижавшись к отвесной стене, я увидела его. Молодой инструктор Данил, тот, что фанатично следовал за Кайратом. Он шел впереди и остановился на узком участке, пропуская группу, демонстративно размахивая руками, будто танцуя. Когда я поравнялась с ним, он не сказал ни слова. Просто чуть сместил ногу, выставив колено вперед.

Мой ботинок зацепился за его голень. Мир перевернулся.

Я рухнула лицом в грязь и мокрый снег. Вкус железа ударил в нос. Колени обожгло болью, когда они ударились о скрытый под снежной кашей камень. Группа замерла. Кто-то за Данилом придержал товарища за лямку, чтобы тот не налетел на меня. Данил обернулся и спрятал улыбку, но поздно: я уже увидела. Он сделал это нарочно, при всех.

Я медленно поднялась. Грязь стекала по куртке черными ручьями. Из разбитого колена сочилась кровь, смешиваясь со снегом. Я не стала отряхиваться. Не стала плакать. Я просто посмотрела прямо в глаза Данилу, задержав взгляд дольше, чем требовал этикет. Потом развернулась и продолжила путь, ускоряя темп. Шаг стал жестче, ритмичнее. Тук. Тук. Тук. Каждый удар сердца напоминал: «Не сдавайся. Они ждут твоего падения».

К середине пути небо почернело. Внезапно, без предупреждения, обрушилась метель. Видимость упала до нуля за считанные секунды. Белое месиво окутало всех, стирая границы между небом и землей. Ветер выл так, что невозможно было расслышать собственные мысли.

Группа запаниковала. Кто-то выкрикнул предложение вернуться и шагнул вниз, навстречу тем, кто ещё поднимался. На этой тропе достаточно было столкнуть одного, чтобы посыпались остальные.

— Стоять! — мой голос прозвучал чужим, хриплым, но пробивал гул ветра. Я достала из рюкзака запасную веревку, которую Кайрат позволил мне взять «для страховки груза». Быстрыми движениями, привычными мышечной памяти, я привязала себя к ближайшему дереву, создавая якорь. Затем начала раздавать команды, четко и коротко, как в экспедиции в Гималаях. — К верёвке! По одному, не толкаться! Данил, замыкай, пересчитай людей! Смотреть на ноги идущего перед вами!

— Здесь шестеро! — крикнул Данил.

— А впереди?

Он замялся, и я сама пересчитала силуэты, дождавшись, пока последний перестанет метаться и возьмётся за верёвку. Без этого счёта я не сделала бы ни шага. Когда все взялись за веревку, я развязала узел на дереве. Мы шли медленно, словно черепахи, но мы шли. И когда сквозь пелену снега проступили очертания промежуточной точки, кто-то из группы тихо всхлипнул от облегчения.

Глава 5

Но радость была преждевременной.

У промежуточной точки нас ждал Кайрат. Он не двигался, словно истукан, вглядываясь в мое лицо. Его глаза были черными и пустыми.

— Объясни, — потребовал он, блокируя проход дальше. — Ты перехватила мою группу, — сказал он. — Данил молчит, остальные слушают тебя. Это тебе понадобилось зачем? Работать пришла или готовить почву для Артура?

— Они сбились с тропы.

— Я спрашиваю, зачем тебе их доверие, Марина. Не учи меня читать погоду.

Подозрение висело в воздухе густо, как дым. Если я сейчас покажу нервозность, он развернет меня обратно. А там — ни денег, ни крыши над головой, ни надежды на суд.

Стянула перчатки и протянула ему ладони. Старые рубцы от верёвок пересекали свежие ссадины; на запястьях ещё синели следы дубинки. Пусть посмотрит, прежде чем снова спросит, откуда я умею страховать людей.

— Я не учу их жить, — сказала я, глядя ему прямо в зрачки. — Я учу их не умирать. Если ты боишься моих рук — проверь мой пульс. Он ровный.

Я положила его пальцы на своё запястье, чтобы показать, что не дрожу. Мой пульс действительно был спокойным. Мне хотелось отдёрнуть руку, натянуть перчатку и спрятать ссадины. Вместо этого я держала запястье под его пальцами. Кайрат долго смотрел на мои руки, затем на мои глаза. Наконец, он кивнул один раз, коротко, резко.

— Дальше. Вертикальная стена. Пятнадцать минут. Не взберешься — уходишь навсегда.

Это было самоубийство. Скальная стена, залитая льдом, уходила вверх, теряясь в облаках. Без кошек и ледовых инструментов, по редким открытым зацепам. Данил закрепил верхнюю страховку. От падения она удержит, но рюкзак с камнями мне предстояло поднять самой.

Я начала подъем. Первые минуты были адом. Холод проникал сквозь одежду, пальцы немели. Боль в коленях превратилась в тупую, ноющую агонию. На восьмой минуте мышцы отказались слушаться. Я висела на одной руке, чувствуя, как соскальзывает подошва ботинка.

«Смерть», — шептал разум. «Проще упасть».

Но перед глазами вспыхнуло лицо Лизы. Бледное, синие губы, дрожь в руках. Она не просила помощи. Она просто ждала, пока мама вернется. Этот образ заменил мне кислород. Я вспомнила технику, которую Артур называл «варварской» и «опасной»: динамический рывок, использование инерции тела вместо статической силы. Запрещенная методика. Та, что ломает суставы, но сохраняет жизнь.

Я сделала невозможный рывок. В плече хрустнуло, боль прострелила до локтя, но я оказалась выше. Еще рывок. И еще. Время слилось в единое пятно боли и усилия. Когда я перевалилась через край стены, мои руки были красными от крови, а дыхание — как у загнанного зверя.

Наверху меня ждали двое. Кайрат и его племянник, Руслан. Тот самый критик.

Руслан усмехнулся, подходя ближе.

— Ну что, чемпионка? Устала притворяться? Может, хватит истерики? Тебе нужно в больницу, а не на базу.

Он пытался выбить меня из колеи. Доказать, что я слабая, нервная, ненормальная.

Я не ответила. Просто села на край обрыва, свесив ноги в пропасть, где внизу клубилось белое марево. Достала из бокового кармана рюкзака термос с чаем, который взяла с собой в начале пути, несмотря на запрет. Открыла крышку. Пар, горячий и душистый, поднялся навстречу ветру.

Сделала глоток, не сводя глаз с Руслана. Горячий чай обжёг разбитую губу. Я проглотила его и приподняла крышку, словно предлагая Руслану присоединиться. Он отступил от края. За его спиной кто-то фыркнул — теперь смеялись не надо мной.

Руслан замолчал, растерянно глядя на Кайрата. Кайрат же смотрел на меня с новым выражением лица. Не восхищения. Расчета.

Он подошел и протянул руку, помогая встать. Его хватка была сильной, почти грубой.

— Твои методы работают, — прошептал он мне на ухо, так, чтобы слышала только я. — Но они убивают душу. Ты готова стать частью моей системы, которая тоже убивает, но ради порядка?

Он сунул мне бумагу. Контракт. Условия были жесткими: полная изоляция от внешнего мира на месяц. Никаких звонков, никаких писем, никакого доступа к интернету. Только тренировки, работа и контроль.

Месяц без звонков. Я задержалась на этой строке, потом вернулась к условиям проживания: отдельная тёплая комната, медицинское обеспечение Лизы. Завтра ей не придётся спать в куртке. И послезавтра тоже.

Я подписала, не читая мелкого шрифта. Ручка срывалась в онемевших пальцах. Подпись вышла угловатой, чужой. Я перечитала только строку про медобеспечение Лизы и закрыла ладонью остальной лист, чтобы не передумать.

— Добро пожаловать домой, Марина, — сказал Кайрат.

Когда я возвращалась в комнату, которую мне наконец предоставили — теплую, сухую, с доступом к медоборудованию для Лизы, — я засунула руки в карманы куртки, чтобы согреть пальцы. Там, среди смятых салфеток и крошек печенья, которое я ела на подъеме, мои пальцы нащупали сложенный листок.

Записка. Почерк Кайрата, угловатый и резкий.

«Артур звонил сюда сегодня. Он спрашивал, жива ли ты. Я сказал, что ты мертва для меня. Не разочаруй меня».

Холод, который я чувствовала раньше, был физическим. Теперь же озноб пробежал по позвоночнику изнутри. Я перечитала «мертва для меня». Артур спрашивал, жива ли я, а Кайрат ответил за меня — и счёл нужным сообщить мне об этом только запиской. Но ключ от комнаты тяжелел в кармане, грея ладонь. Лиза будет в тепле. А остальное... остальное мы решим потом.

Утро на базе Кайрата пахло не кофе, а озоном и старой пылью от обогревателей. Я сидела в диспетчерской, наблюдая, как Лиза играет в планшет, пока я проверяла заявки на трассы. Тишина была обманчивой, хрупкой, как ледяная корка над горной рекой. Она звенела, готовая рассыпаться от любого лишнего слова.

Серый стационарный телефон резко зазвонил. Я вздрогнула и задела локтем чашку с недопитым чаем; по столу растеклась горячая лужица. Я не подняла трубку сразу. Мысли о том, что это может быть Артур, вызвали физическую тошноту, спазм в желудке. Но оператор, молодой парень с прыщавым лицом, уже щелкнул переключателем, переводя линию на общий канал связи инструкторов. Громкий динамик выдал голос Ольги Ланской. Холодный, стерильный, как скальпель хирурга.

— Марина? Или ты уже умерла для нас всех? Долг чести за нарушение NDA требует немедленного урегулирования. Если к вечеру денег нет, мы передадим твои медицинские данные страховщикам. Угадай, кто первый узнает о генетической предрасположенности твоей дочери?

Я рванула провод из розетки, но было поздно. Фраза повисла в воздухе кабинета, разлетевшись по громкоговорителям по всей территории базы. В коридоре послышался шепот. Кто-то сказал: «Сумасшедшая». Кто-то другой: «Она привезла сюда беду». Лиза подняла голову,

её глаза, большие и темные, смотрели на меня с вопросом. Я улыбнулась, чувствуя, как лицо горит от стыда.

— Всё нормально, солнышко, — сказала я, и мой голос дрогнул, предательски ломаясь.

На тренировочном полигоне ветер бил в лицо, как мокрые плети. Снег кружился в лучах фар снегохода. Я показывала новичкам технику самостраховки, стараясь говорить уверенно, четко, профессионально. Показав узел, я заставила каждого повторить его: пока они возились с верёвкой, можно было перевести дыхание. Тут ко мне подошел Дима. Молодой инструктор, амбициозный, с глазами человека, который всегда ищет подвох.

— Слухи ходят, Марина, — он остановился передо мной, загораживая свет. — Про долги. Про то, что бывший муж тебя выставил, как собаку. И про то, что ты не совсем... адекватна. Это правда? Ты опасна для команды?

Мои пальцы, державшие карабин, побелели. Я хотела ответить резко, как тренер, как альпинистка с двадцатилетним стажем. «Следи за техникой страховки, а не за языком», — эта фраза вертелась на кончике языка. Но вместо этого я просто молчала, глядя ему в глаза. Тишина затянулась.

Дима хмыкнул, демонстративно перестраховывая мою веревку. Он сделал это так грубо, так явно недоверчиво, что узел получился кривым, хотя формально надежным.

— Я бы на твоем месте не лез в гору, если руки трясутся, — бросил он, проходя мимо.

Я посмотрела на свои ладони. Они действительно дрожали. Не от холода. От бессилия.

В столовой шум стоял обычный: звон посуды, гул голосов, запах тушеного мяса. Я взяла поднос и направилась к свободному столику в углу, подальше от окон. Официантка, девушка лет двадцати, подошла ко мне с запиской, сложенной вчетверо.

— Вам оставили. «Родственник» одного из бойцов. Просил передать лично.

Сердце ухнуло в живот. Я развернула бумагу. Фотография. Лиза в мотеле, три дня назад. Она спала, свернувшись клубком, а на заднем плане виднелась дверь, ведущая в коридор. Дата съемки в углу снимка. Подпись внизу: «Мы следим. Верни долг или потеряешь всё. А.»

Гнев вскипел мгновенно, горячим и слепым. Я не стала читать дальше. Я схватила записку и бросила ее в пепельницу на соседнем столе, где курили инструкторы после смены. Пламя зажигалки вспыхнуло в моих руках, и бумага начала чернеть, скручиваясь в улитку.

— Эй! Ты чего?! — крикнул мужчина за соседним столом. Пепел от горящей бумаги полетел ему прямо в лицо. Он отшатнулся, ругаясь, смахивая сажу с носа.

— Извините, — сказала я, но тон мой был таким, что извинения звучали как угроза.

— Она агрессивная! Вызвать охрану надо! — закричал он.

Через две минуты двое сотрудников службы безопасности уже стояли по бокам от меня. Их лица были каменными. Я чувствовала себя нарушителем порядка, преступницей в собственном убежище. Кайрат предупреждал: никаких конфликтов. А я только что устроила пожар в его доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.